

4.

**Всероссийский центральный исполнительный комитет
железнодорожников и корниловский мятеж
(август – сентябрь 1917 года)**

4.1. Ход событий по воспоминаниям М.Д.Орехова

«После выборов исполнительных органов ВЖС (Центрального комитета и его Временного бюро) [...] мы занялись организацией продовольственного съезда, комиссией по проведению прожиточного минимума, разбором те-

кущих дел. И вдруг — точно электрическая искра пронизала наше тело. Прямой провод из Питера выстукивал: «Войска генерала Корнилова заняли Виндавскую дорогу. Двигаются на Питер. Прошли станцию Дно».

Как двигаются? Как заняли Виндавскую дорогу? Почему никто нас не уведомил? Где был Керенский и его осведомители? Почему он не сообщил ничего Ц.И.К.? Ведь Петроград в критическом положении! Такие вопросы выступали лихорадочно передо мною и не находили ответа. Мне казалось, что здесь есть доля моей вины. Предупрежденный Керенским, я не сообщил ничего бюро, и мы заранее не приняли надлежащих мер. Созвано было экстренное собрание, вызвали всех бывших в Москве кандидатов ЦК, решили всеми мерами вести борьбу с Корниловым.

28 августа работа кипела. У меня сохранился ряд телеграмм, печатаемых в приложении.

Прежде всего мы потребовали, чтобы все товарищи на линиях остались на своих постах в полной готовности по первому приказу доказать преданность родине и революции. А в то же время в нашей собственной среде председатель союза агентов по передаче грузов Беляков почувствовал себя нездоровым и заявил о своем уходе из Ц.И.К.. Мы не удерживали. С богом! Таких нам не надо.

Затем мы предложили назначить на дорогах непрерывное дежурство членов комитетов для просмотра всех телеграмм и для выяснения количества и направления движения подозрительных войск.

В то же время мы пришли к заключению, что управляющий Виндавскою дорогою Харламов должен был знать о передвижении корниловских войск и если он не только не воспрепятствовал этому, но и не поставил нас в известность, то можно было ждать от него противодействия нашим мероприятиям по борьбе с Корниловым. Церемониться в такой момент не приходилось, и мы отстранили его от должности. С этого момента никто не стал бы исполнять его распоряжений и самочинное наше действие тем самым прошло в жизнь, не вызвав даже с его стороны протеста. Следующей телеграммою мы потребовали от товарищей принять самые решительные меры к недопущению

повсеместно, по всей сети, продвижения контрреволюционных войск. Мы предлагали, в случае надобности, прекращать движение, при приближении войск угонять все паровозы, снимая с линии весь личный состав. При невозможности убрать все паровозы, снимать с них важнейшие части, разбирать пути и загромождать их составом.

Кроме того, мы предложили всем армейским и полковым комитетам арестовать и выдать Корнилова, а до этого мы предложили нашим товарищам прекратить доставку продовольственных грузов в местности, занятые приверженцами Корнилова. Это был сильный удар.

Ночь с 28 на 29 мы провели в зале заседания. На другой день подоспела телеграмма Керенского «Всем, всем, всем...». Наш Ц.И.К. реорганизовался из союзной организации в боевую и выделил особое бюро по борьбе с Корниловым.

Установлением учета передвигающихся по железным дорогам войск мы достигли того, что сразу же обнаружили двигавшиеся на помощь Корнилову контрреволюционные отряды. Все сведения о передвижениях войск мы передавали штабу Московского округа. Штаб сверял с данными им распоряжениями и немедленно же обнаруживалось, какие отряды идут, помимо распоряжения военных властей. Выяснилось, что с востока, из Казанского округа, двигаются пехотные части, а с юга и юго-запада собираются двинуться казачьи полки.

По-видимому, конный корпус генерала Корнилова, двинувшийся к Петрограду, составлял лишь головной отряд движения. Главные отряды должны были следовать за ним, заняв резервами такой важный стратегический пункт, как узел Москва.

Особое бюро, трудившееся под председательством Малицкого над разрушением планов Корнилова, выполнило свою задачу блестяще. Одни эшелоны были направлены с пути в тупик; другие, требовавшие немедленной отправки с оружием в руках, смиренно отправлялись железнодорожниками... по кругу, с одной дороги на другую, и так ехали без остановки, самодовольно поглядывая в окна вагонов. Один из отрядов был привезен в Москву, где и был арестован штабом округа.

Таким образом, генерал Корнилов со своим головным отрядом был изолирован и оставлен без продовольствия под угрозой ареста революционными войсками. Карта оказалась битой и не «картонным мечом», и даже не обломком рельса и шпалы (до этого, по счастью, дело не дошло), а расписанием поездов.

Тем не менее, опасность не была еще устранена. Дальнейшими распоряжениями Ц.И.К. было образовано в Петрограде бюро из членов нашего комитета, повсюду назначены комиссары для наблюдения за действиями железнодорожной администрации, и на всех дорогах началось вооружение рабочих, образовавших железнодорожные боевые дружины.

В это время Петроград переживал тревожные часы. Как выяснилось впоследствии, генерал Крымов со своим конным отрядом не вошел в столицу и не произвел там ареста правительства, благодаря рабочим и, в частности, железнодорожникам.

Один из деятельных участников отпора контрреволюции, товарищ с Московско-Виндавской железной дороги, мне рассказывал следующее:

«27 августа сижу я один в комитете. Вдруг телеграмма с пути: «Двигаются на Петроград войска... говорят о намерении захватить город, так как там беспорядки.... Прошли станцию Дно». Беда, думаю. Что делать? Времени мало. Бросаюсь на телеграф. Телеграфирую станции по пути следования эшелонов: «Путь испорчен. Приостановите отправку поездов на Питер». А сам бегом собирать товарищей, чтобы на самом деле разобрать путь. Собрал, кого успел захватить. Взяли инструмент. Вскочили на паровоз. Ходу. Еле-еле успели разобрать путь. Начальник головного эшелона, прибыв на станцию и прочтя мою телеграмму, не решился двигаться дальше. Поверил, что путь испорчен. Двинься он, и все бы пропало». То же произошло и на Северо-Западных дорогах. Путь успели разобрать. Движение Корнилова подняло на ноги весь рабочий Петроград. Все высыпали за город и принялись рыть окопы и укреплять Питер. Испытанные революционеры-солдаты, под видом уволенных в отпуск, разъехались по

станциям, где в беседах с эшелонами свидетельствовали о том, что в Петрограде все спокойно. [...]».

«[...] Таким образом, момент всеобщего напряжения в отстаивании революции от покушения на нее вынудил Комитет выступить из узких рамок союза на путь государственных задач.

В этом направлении и должна была развиваться деятельность Ц.И.К. К сожалению, неблагоприятный состав Комитета толкнул его с намеченного пути на путь политики и докатил до «викжелания» в гатчинские дни.

«Слишком много политики», – говорят в таких случаях французы [...]».

(М.Д.Орехов, ук.произв., с. 25–27, 36)